

ОРЛОВСКАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ПО ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА
СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

©2014

А.И.Юдин, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению
культурного наследия», Саратов (Россия)

Аннотация: Новые радиоуглеродные даты уточнили хронологию стратиграфической колонки Варфоломеевской стоянки, являющейся базовым памятником орловской неолитической культуры. Культурные слои стоянки продактированы по кости, углю, керамике и нагару: слой 3 – 6200-5900 BC; слой 2 Б – 6200-5700 BC; слой 2 А – 5600-5200 и 5400-4800 BC для верхнего слоя, что указывает на возможность формирования прикаспийской культуры на основе орловской и их сосуществование в нео-энеолитический период.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье; неолит; керамика; орловская культура; энеолит; прикаспийская культура.

Варфоломеевская стоянка в степном Заволжье, находясь в центральной части Волго-Уральского междуречья, является базовой для характеристики орловской культуры степной зоны Поволжья на всем протяжении ее существования [1]. Исключением пока остается время формирования культуры, то есть собственно ранний неолит, поскольку уже в нижнем слое Варфоломеевской стоянки мы имеем вполне сложившийся комплекс культуры со всеми присущими ей культурно-атрибутивными признаками.

С совершенствованием методов радиоуглеродного датирования и с появлением новых серий дат хронология орловской культуры подлежит изменениям и уточнениям.

В настоящее время для трех нижних слоев Варфоломеевской стоянки имеется 35 радиоуглеродных определений, которые подтверждают и уточняют высказанные ранее положения относительно культурно-исторического развития населения Нижнего Поволжья в неолитическую эпоху. Даты выполнены в пяти лабораториях на протяжении двух последних десятилетий. Образцами для определений послужили кость, уголь, керамика, нагар. Подавляющее большинство определений выполнено по керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории, которые перепроверены датами по нагару (табл. 1).

Ранний неолит Нижнего Поволжья в целом пока изучен недостаточно и не может служить отправной точкой в изучении формирования орловской культуры. Материалы раннего неолита известны только в южной части Нижневолжского региона и выделены главным образом типологически. Раннеэнеолитические памятники типа Ту-Бузгу-Худук в Северо-Западном Прикаспии и памятники кугатского типа в Северном Прикаспии по составу керамики и каменных орудий достаточно близки между собой и, по мнению исследователей, обнаруживают генетическую связь с поздними мезолитическими материалами. Но, по радиоуглеродным определениям, древнейшими пока являются каиршацкие памятники, относительно которых на стоянке Каиршак 3 получены калиброванные даты по керамике в пределах 7950±90 BP (7040-6740 BC) – 7530±90 BP (6460-6330 BC) [2, с. 1249-1250].

Самая ранняя дата для Варфоломеевской стоянки (две даты по одному образцу – Ki-14108 и Ki-14142, №№ 1, 2) укладывается в интервал 6690-6380 BC, что близко к датам стоянки Каиршак 3. Следует также учитывать отсутствие достаточной выборки радиоуглеродных определений для нижнего слоя Варфоломеевской, появление которой может уточнить его время. Остальные даты нижнего слоя – четыре даты по двум образцам – компактно располагаются в интервале 6220-5870 BC (№№ 4-7). Примечательно, что эти даты почти совпали с датой по углю, полученной двумя десятилетиями ранее, – 6030-5670 BC (ГИН 6546) (№ 1), но измерительный интервал последней даты (±200 лет) вызывал у исследователей сомнения в столь ранней датировке нижнего слоя. Дата, полученная по нагару с керамики с глубины

170-180 см (основание слоя 2Б), также близка последней – 5985-5885 BC (Ua-41360). Датировок для нижнего слоя пока явно недостаточно, так как они в верхнем значении перекрываются датами вышележащего слоя 2Б.

Слой 2Б имеет четыре даты по керамике, полученные по трем образцам в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Две даты по двум разным образцам (Ki-14368 и Ki-14374) дают интервал 6230-5990 BC. Еще две даты (Ki-14369 и Ki-14370), также полученные по разным образцам, указывают на более позднее время – 6020-5770 BC (№№ 10-13). Четыре новые даты, сделанные по нагару в трех других лабораториях, полностью совпали с хронологическим интервалом, полученным по керамике в Киевской лаборатории [3, с. 257-258]. Эти даты (Spb-940 – 7164±120, Spb-941 – 7100±110, Poz-52697 – 6850±40) и уже названная дата Ua-41360 – 7034±41 (№№ 14-17) в калиброванном значении перекрывают хроноинтервал, полученный по керамике, – 6210-5673 BC, но значительно старше дат, известных ранее по кости (Лу-2620 и Лу-2642) – 5650-4830 BC (№№ 8, 9).

Для слоя 2А имеется восемь дат, полученных по трем образцам керамики. Хроноинтервал охватывает 6030-4550 BC, причем разница в датах, полученных по одному фрагменту керамики, достигает тысячи лет. Если отбросить крайние значения, то получается интервал 5910-4800 BC. Это уже значительно ближе к интервалу, полученному по нагару, – 5720-4460 BC (Spb-937 – 6363±150 BP или 5490-5200 BC, Spb-938 – 6650±150 BP или 5720-5470 BC, Spb-939 – 5800±150 BP или 4830-4460 BC, Ua-41361 – 6544±38 BP или 5335-5475 BC, Ua-41362 – 6693±39 BP или 5595-5560 BC) (№№ 31-35). Если и здесь отбросить крайние значения, то остается относительно узкая дата 5595-5200 BC. Даты, полученные ранее по кости и углю (№№ 18-22), дают в целом намного более поздний возраст – 5350-3960 BC. Если убрать одну из ранних дат в этой серии – Лу-2641 – 6080±270 BP (1σ 5350-4700 BC), то интервал омолаживается еще больше – 4350-3960 BC, что в свете современных представлений о неолите-энеолите Нижнего Поволжья не может быть принято.

Пока нет даты для верхнего слоя, но можно опираться на хронологию прикаспийской культуры, учитывая наличие прикаспийской керамики в этом слое. По прикаспийской керамике имеется четыре даты [4, с. 192]. Для стоянки Буровая 41 даты представляются удревленными – 6880±80 и 6790±80 BP (5840-5700 и 5740-5620 BC), а для Курпеже-молла – 6050±80 и 6020±80 BP (5050-4840 и 5000-4790 BC) и согласуются с данными стратиграфических наблюдений, согласно которым прикаспийская керамика предшествует хвальинской, датированной второй четвертью V тыс. до н.э.

Однако датировки стоянки Буровая 41 соотносятся с датами воротничковой керамики могильника Съезжее самарской культуры в том, что дата для гребенчатой керамики с того же могильника почти на 800 лет моложе. Н.Л.Моргунова справедливо отмечает, что такой хронологический разброс вряд ли возможен в пределах маленького (10 погребений) могильника Съезжее. Для

датировки раннего энеолита она опирается на даты керамики съезженского типа поселения Лебяжинка III, по которым время ее бытования определяется в интервале крайних значений от 5600 до 4600 ВС, а без крайних значений – в пределах 5300-4800 лет ВС. Привлекая даты сходных памятников мариупольского круга, Н.Л.Моргунова датирует прикаспийскую и самарскую культуры интервалом 5400-4800 лет ВС [5, с. 56-61].

Радиоуглеродные определения для Буровая 41 не соответствуют времени появления воротничковой керамики в азово-днепровской культуре. Здесь она появляется на этапе 16 - Ki - 6775 - 6325±65 BP (5299±80 ВС) и Ki- 6776 - 6220±82 BP (5151±82 ВС) [6, с. 97]. Более ранние даты, полученные по кости, как и в азово-днепровских памятниках, имеются и для второго этапа нижнедонской культуры относительно времени появления воротничковой керамики – от 5530±51 до 5275±41 ВС [6, с. 95]. В Подончье есть пять дат по керамике для памятников типа Подгоровка и Новоселовка, которые отражают синтез нижнедонской и орельско-донецкой культур и укладываются в интервал 5219-4900 ВС [7, с. 27-29]. Все приведенные примеры ставят под сомнение столь ранние даты стоянки Буровая 41, если не считать их древнейшими среди памятников мариупольского круга, что представляется маловероятным, учитывая их крайнее положение относительно остальных мариупольских.

Таким образом, для культурно-хронологических комплексов Варфоломеевской стоянки следует принять как наиболее достоверные хроноинтервалы, в пределах которых совпадают датировки по керамике и нагару. Для слоя 3 это 6200-5900 ВС, для 2 Б – 6200-5700 ВС, для 2 А – 5600-5200 и 5400-4800 ВС – для верхнего слоя. Следовательно, время бытования Варфоломеевской стоянки составляет как минимум 1400 лет (вместе с хронологическими hiatusами между горизонтами), а возможно и больше, так как пока нет серии надежных дат для нижнего слоя. Соответственно этим интервалам определяется и минимальное время развития орловской культуры степного Поволжья. При этом следует еще раз отметить, что ранние орловские материалы, которые можно отнести ко времени формирования культуры, нам неизвестны, а на финальном этапе культура сосуществует с прикаспийской.

Не исключено, что по получению дат по образцам из основания нижнего слоя Варфоломеевской стоянки время ее удревняется и сравняется с Каиршаком III.

Тем более что проделанная ранее работа показывает совпадение по многим технико-типологическим параметрам материальных комплексов нижнего слоя Варфоломеевки и стоянки Каиршак III [8, с. 24-25; 1, с. 145-146]. И если для каменных орудий тождественность проявляется в общих чертах, характерных и для других памятников сопредельных регионов, – кремневое сырье, пластинчатая техника расщепления, геометрические микролиты и т.д., то для керамики наблюдается картина значительно большего сходства. Это такие показатели, как наличие определенного процента прочерченной керамики, совпадение ряда основных орнаментальных композиций, определяющих облик керамики, при этом различия отмечаются прежде всего не в композициях, а в технике их выполнения: прочерк с одиночными наколами на Каиршак III и накол в отступающей манере на Варфоломеевке. Наблюдается сходство в формах сосудов – баночных открытых и закрытых, слабопрофилированных. К этому следует добавить единую гончарную традицию производства древнейшей керамики из илов в культурах с накольчато-прочерченной керамикой Нижнего Поволжья [9, с. 39-40].

В результате анализа известных к настоящему времени источников складывается впечатление, что идея керамического производства населением орловской культуры была заимствована извне, а расположенная южнее стоянка Каиршак III есть самая ранняя неолитическая для Нижнего Поволжья и уступает в датах только

неорнаментированной керамике из соседнего региона – слоя 20 Ракушечного Яра [10, с. 94]. Исследователь неолитической керамики И.Н.Васильева справедливо отмечает, что «выяснение характера древнейшего очага неолитического гончарства (первичного или вторичного) требует расширения рамок исследования и привлечения материалов более южных территорий (Турция, Иран и др.)» [11, с. 14]. В таком ракурсе вполне допустимо предполагать, что памятники с ранним каменным инвентарем есть всего лишь результат механического соединения мезолитических и неолитических материалов. Возможно, не случайно, что все памятники раннего неолита представлены местонахождениями в песчаных дюнах, а севернее, в степной зоне, таких стоянок нет. Хотя с другой стороны маленькие коллекции Кугата, Кулагайси и Ту-Бузгу-Худука могут объясняться подвижным образом жизни небольших неолитических коллективов, как это было в мезолитическое время, что и объясняет отсутствие стоянок со сформированным культурным слоем.

К сожалению, надежных дат для позднего мезолита Нижней Волги нет. Возможно, даты Каиршака III смыкаются с мезолитом. По мнению А.М.Комарова, мезолит Северного Прикаспия имеет относительно поздний возраст и отмечается непрерывность исторических процессов на примере мезолитического слоя стоянки Каиршак Va и неолитической стоянки Каиршак III [12, с. 241-242]. Признается кавказско-переднеазиатский характер воздействия на мезолитическое население Северного Прикаспия, но конкретизировать содержание этого процесса затруднительно ввиду отсутствия материалов на промежуточных транзитных территориях [12, с. 242-243]. По существующим в настоящее время представлениям, начало неолита в степной зоне Восточной Европы датируется концом VIII – началом VII тыс. до н.э. и в Ракушечном Яру наблюдаются основные элементы «неолитического пакета», в том числе развитости и многообразия керамических традиций, что предполагает либо длительное знакомство местного населения с керамикой, либо перенос традиций в результате миграции. Сложившийся в Ракушечном Яру керамический центр явился источником распространения керамических традиций в Восточной Европе [13, с. 21]. Относительно орловской культуры всегда отмечались ее культурные параллели с ракушечной культурой [1, с. 159-161], вероятно, связанные с контактами населения.

Особая роль населения ракушечной культуры в распространении неолитических новаций была высказана уже давно. Очень ранние даты по нижней пачке слоев Ракушечного позволили высказать предположение, что на юго-востоке Восточной Европы прослеживается особая региональная модель неолитизации, независимая от влияния раннего неолита Балкан [14, с. 19]. В таком случае культурное влияние Переднеазиатского неолитического очага могло транслироваться, т.е. попасть в степи Юго-Восточной Европы, в том числе в Нижнее Поволжье через Кавказ. Несмотря на малое количество неолитических памятников на промежуточных транзитных территориях, один из таких стал известен в Центральном Кавказе.

Это стоянка Цми – единственный стратифицированный памятник позднего мезолита – раннего неолита в Центральном Кавказе. Полученные там радиоуглеродные даты не вполне соотносятся с неолитом степной зоны, но это можно отнести на присущее пока несовершенство методов радиоуглеродной датировки. В каменном инвентаре здесь прослеживаются явные черты культурной преемственности, а найденные фрагменты сосуда с примесью песка в тесте глины из неолитического слоя практически не орнаментированы, за исключением парных округлых вдавлений под венчиком, и находят аналогии на поселении Чох. Позднемезолитический слой в Цми по углю из очага датируется серединой VII тыс.

до н.э. (LuS 7763 – 7570±50 BP или 6505-6345 calBC), неолитические слои имеют шесть дат, пять из которых получены также по углю и одна по нагару с фрагментов сосуда. Предположительно, по мнению авторов, самые точные данные получены именно по нагару: 7010±50 BP или 6000-5770 calBC (LuS 7762). Еще четыре неолитические даты показали первую четверть VI тыс. до н.э. [15, s. 54-56, 65]. Авторы раскопок Цми отмечают тот поразительный факт, что на памятниках к северу от Кавказа (Ракушечный Яр, Матвеев курган, Рассыпина VI, Раздорская II) есть более ранние даты – третья четверть VII тыс. – первая четверть VI тыс. до н. э. Во всех этих памятниках обнаруживается наличие керамического производства, а также другие элементы кавказского «неолитического комплекса». Объяснение этому авторы исследования находят исходя из переднеазиатского контекста, так как керамическое производство в Северной Месопотамии и Центральной Анатолии началось только немного раньше [15, s. 70].

В данном случае здесь показателен сам факт наличия позднего мезолита, слоя неолита докерамического и слоя неолита с неорнаментированной керамикой, тогда как орловская керамика имеет сложившийся облик, как в орнаментации, так и в разнообразии форм. Аналогичны выводы и по каиршаковской керамике, что оставляет открытым вопрос о времени появления первой керамики в Нижнем Поволжье.

Уточненная хронология Варфоломеевской стоянки также позволяет еще раз рассмотреть проблему перехода от поздней орловской культуры к раннеэнеолитической прикаспийской. Новые радиоуглеродные даты со всей определенностью показывают, во-первых, существование на этапе формирования верхнего слоя Варфоломеевской стоянки поздней неолитической орловской и ранней энеолитической прикаспийской культуры и, во-вторых, возможность (в том числе и хронологическую) сложения основ последней во время формирования горизонта 2А. Обоснование существования прикаспийской культуры как части Мариупольского мира в хроноинтервале 5400-4800 BC было показано выше.

Факт сложения основ прикаспийской культуры в недрах орловской на протяжении формирования слоя 2А неоднократно подвергался сомнению В.В.Ставицким на основании якобы существующих хронологических нестыковок [16; 17], при одновременном признании того, что на территории степной зоны происходит формирование комплекса костяных украшений Съезженского могильника, и это наглядно иллюстрируют материалы Варфоломеевской стоянки [18, с. 46]. Между тем эти материалы как раз происходят из слоя 2А Варфоломеевки.

В свете полученных новых дат по нагару, которым исследователи доверяют больше, оказываются несостоятельными ссылки на более позднюю дату верхнего слоя Джагара, на основании которой предлагается датировать слой 2А Варфоломеевки, значительно омоложая его и игнорируя остальные определения. После получения дат по нагару можно говорить об удревнении как слоя 2А, так и верхнего (1) слоя Джангара. Дата по нагару для слоя 1 Джангара – 6564±44 BP или 5550-5480 BC (Hela-3255). Это практически совпадает с датами слоя 2А по нагару, полученными в лабораториях Уппсалы (№ 34) и Санкт-Петербурга (№ 32). Впрочем, время формирования слоя 2А по остальным датам, полученным по нагару (№№ 31, 33, 35), гораздо шире, особенно в сторону омоложения, что вполне соотносится с мощностью и насыщенностью слоя 2А в стратиграфической колонке Варфоломеевской стоянки.

Из этого следует вполне логичный вывод о возможности сложения прикаспийских признаков во время отложения слоя 2А Варфоломеевки и синхронности позднего орловского неолита и ранней прикаспийской культуры, отраженной в верхнем (1) слое Варфоломеевки.

Казалось, этому должна противоречить полученная Самарский научный вестник. 2014. № 3(8)

по керамике поздняя дата воротничкового сосуда из Кумыски – 5870±70 BP или 4810-4670 BC (Ki-16271), на основании которой В.В.Ставицкий датирует верхний слой Варфоломеевской стоянки. Она действительно не вписывается в хронологические рамки ранней прикаспийской культуры, но и вряд ли отражает позднейший ее этап, на котором керамика уже утрачивает воротничок. Единственная дата всегда вызывает осторожное отношение, особенно если она противоречит остальным на других памятниках. Здесь же сомнения в дате усиливаются по той причине, что еще одна дата, полученная в той же лаборатории по хвалынской керамике, также заметно выбивается из хронологии хвалынской культуры: она в целом моложе датировок хвалынской культуры на 500 лет – 5260±80 BP или 4170-3980 BC (Ki-16273).

Конечно, в свете разрабатываемого автором данной статьи положения о длительном сосуществовании энеолитических культур Нижнего Поволжья эти даты могли бы учитываться, но особого доверия они не вызывают. Единственный положительный момент в содержании этих дат заключается в том, что в очередной раз подтверждается хронологический приоритет прикаспийской культуры относительно хвалынской.

Датировка верхнего слоя Варфоломеевской стоянки приблизительно в интервале 5400-4800 BC совпадает с датами прикаспийской культуры, откуда и вытекает неоэнеолитический период в культурно-историческом развитии населения Нижнего Поволжья. Неоэнеолитический период как отражение хронологического сосуществования населения неолитической и энеолитической культурной традиций не является исключительной прерогативой земледельческих трипольских племен и степных скотоводческих, для которых и был использован этот термин Д.Я.Телегиным. Выделение аналогичного периода для Нижнего Поволжья вполне правомерно. Существование этого этапа развития в Поволжье отрицается В.В.Ставицким [19, с. 31-33]. Между тем это обычное явление для переходных эпох на многих территориях. Даже краткий обзор показывает, что подобное сосуществование прослеживается на ряде памятников Прихоперья [20, с. 28-30, табл. 1], в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья [5, с. 57], в Среднем Поволжье [21, с. 137-139], Прикамье [22, с. 19] и признается исследователями в качестве самостоятельного этапа. Неоэнеолитический период Волго-Уральского региона также обосновывается в свете новых радиоуглеродных дат [23].

Неоэнеолитический этап, период, пережиточный неолит – за всеми этими терминами стоит одно явление – сосуществование на определенном хронологическом отрезке разных по хозяйственно-культурному уровню развития общностей людей. Проблема выделения неоэнеолитического периода возникает у всех исследователей, работающих на материалах пограничья степи-лесостепи, даже намного шире – леса и степи или степи, что объясняется неравномерностью исторического развития. В конкретном приложении к Нижнему Поволжью данная проблема может быть рассмотрена на материалах орловской и ранней прикаспийской культурах, существование которых стратиграфически подтверждается на двух памятниках. Можно предположить, что в обоих случаях имеется возможность простого «наложения» культурных слоев на одно и то же место, удобное для заселения. Однако именно в этих двух случаях культурные комплексы показывают генезис признаков от орловской к прикаспийской культуре.

Чрезвычайная малочисленность степного населения вполне допускает и параллельное развитие двух различных культур. Сосуществование населения, различного в культурологическом плане, не является необычным и для предшествующего времени, например, в степном Подонечье параллельно с раннеэнеолитическими культурами развиваются реликтовые мезолитические культуры: поздняя зимовниковская и памятники типа

Моспино [7, с. 6].

В последнее время активно дискутируется вопрос о характере мариупольских памятников в связи с их ранними датами и отсутствием металла. Последнее никогда не являлось препятствием к отнесению культур к энеолитическому времени, как это сделали И.Б.Васильев и А.Т.Синюк относительно прикаспийской и самарской культур, выделяя их в энеолитические по ряду других признаков. Здесь уместно вспомнить пример энеолитической новоильинской культуры Прикамья, сохраняющей во многом неолитический облик. Тем не менее в одном случае наличие медных изделий в жилище на III Новоильинском поселении дало основание для отнесения новоильинской культуры к энеолитической эпохе [22, с. 18].

В чем следует согласиться с В.В.Ставицким, так это в том, «что у Д.Я.Телегина носители памятников мариупольского типа являются представителями пережиточного неолита, а у А.И.Юдина, наоборот, они представляют прогрессивный энеолитический тип памятников» [19, с. 33]. Для этого есть основания. Применительно к прикаспийской культуре нео-энеолитический период будет вполне оправдан, так как на своем втором этапе развития в материалах двух памятников встречен металл. Это небольшой бесформенный чокчек меди (сплеск?) в верхнем (I) слое Варфоломеевской стоянки и обломок медного острия со стоянки Курпеже-Молла [24]. Причем в первом случае это не украшение, а отход производства. Конечно, это не закрытые комплексы, но показателен факт накопления сведений о металле в среде мариупольского населения. Также необходимо упомянуть недавно открытый Завьяловский клад в Прихоперье, где ряд медных желобчатых пластин с двумя отверстиями, находящихся широкие аналогии среди мариупольских пластин из кости, раковины, золота, был обнаружен в одном слое с мариупольской керамикой [25, с. 8]. Проблема соотношения прикаспийской энеолитической и орловской неолитической культур пока не может быть решена окончательно, особенно если учесть наличие медной пластины и в слое 2А Варфоломеевки. В настоящее время можно полагать, что прикаспийское население на раннем этапе своего существования не было знакомо с металлом, появился же он на финале неолитической эпохи, когда орловская культура затухла, а прикаспийская продолжала развиваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.
2. Выборнов А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1249-1255.
3. Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова А.М., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Поссерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5. С. 254-260.
4. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 191-194.
5. Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
6. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.
7. Манько В.А., Телиженко С.А. Мезолит, неолит и энеолит Подонечья: Каталог радиоуглеродных дат. Луганск: Шлях, 2002. 40 с.
8. Козин Е.В. О культурном своеобразии памятни-

ков неолита Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тезисы докладов. Куйбышев: КГПИ, 1990. С. 24-25.

9. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2012. Вып. 10. С. 23-42.

10. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 27-109.

11. Васильева И.Н. О древнейшем гончарстве Нижнего Поволжья // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011. С. 13-15.

12. Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. Т. 1. 458 с.

13. Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Мазуркевич А.Н. Результаты комплексного исследования глиняной посуды из слоев 23-14 поселения Ракушечный Яр (по материалам раскопок Т.Д.Белановской) // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011. С. 18-24.

14. Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003. С.14-21.

15. Rostunov V.L., Ljachov S.V., Reinhold S. Cmi – Eine Freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordostseiten (Nordkaukasus) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 41. 2009.

16. Ставицкий В.В. Проблема происхождения прикаспийской культуры // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10. С. 205-211.

17. Ставицкий В.В. Рец. на: Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011, 220 с. // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 200-208.

18. Ставицкий В.В. Проблема соотношения древностей самарской и хвалынской культур // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы вторых халиковских чтений. Казань, 2002. С. 44-50.

19. Ставицкий В.В. К вопросу о выделении нео-энеолитической эпохи в Поволжье // Проблемы периодизации и хронологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 31-33.

20. Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 16-46.

21. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.

22. Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1(15). С. 17-21.

23. Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // Российская археология, 2010. № 4. С. 18-27.

24. Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985. С. 58-75.

25. Хреков А.А., Быков В.Ю. Новые материалы раннего энеолита лесостепного Прихоперь: Завьяловский клад (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Научная книга, 2012. Вып. 10. С. 6-14.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1 - Радиоуглеродные даты Варфоломеевской стоянки

№	Материал	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
Слой 3 (нижний)				
1	Уголь в основании слоя	ГИН 6546	6980±200	1σ 6030- 5670 2σ 6250-5500
2	Образец №24/1, керамика не орнаментированная (днище)	Ki -14108	7760±100	1σ 6690-6460 2σ 7050-6400
3	Образец №24/2, керамика не орнаментированная (днище)	Ki -14142	7620±100	1σ 6600-6380 2σ 6650-6230
4	Образец №25/1, керамика прочерченная	Ki -14109	7250±80	1σ 6220-6020 2σ 6250-5980
5	Образец №25/2, керамика прочерченная	Ki -14143	7170±90	1σ 6100-5970 2σ 6230-5840
6	Образец №26/1, керамика накольчатая	Ki -14110	7080±80	1σ 6020-5870 2σ 6080-5770
7	Образец №26/2, керамика накольчатая	Ki -14144	7120±90	1σ 6070-5880 2σ 6210-5780
Слой 2Б				
8	Образец 16, обломки костей	Лу-2620	6090±160	1σ 5220-4830 2σ 5400-4600
9	Образец 15, трубчатые кости и зубы	Лу-2642	6400±230	1σ 5650-5050 2σ 5750-4750
10	Образец 1. Керамика накольчатая,	Ki – 14368	7230 ± 90	1σ 6220-5990 2σ 6250-5890
11	Образец 2. Керамика накольчатая,	Ki – 14369	6980 ± 90	1σ 5920-5770 2σ 6020-5710
12	Образец 3, керамика без орнамента	Ki – 14370	7070 ± 90	1σ 6020-5840 2σ 6080-5730
13	Образец 3, керамика без орнамента	Ki – 14374	7280 ± 100	1σ 6230-6020 2σ 6390-5980
14	Нагар	Spb-940	7164±120	1σ 6210-6130 2σ 6350-5750
15	Нагар	Spb-941	7100±110	1σ 6070-5840 2σ 6220-5740
16	Нагар; керамика с гл. 170-180	Уа-41360	7034±41	1σ 5985-5885 2σ 6010-5830
17	Нагар	Poz-52697	6850±40	1σ 5763-5673 2σ 5816-5659
Слой 2А				
18	Кость	Kи 3589	5430±60	1σ 4350-4230 2σ 4370-4220
19	Уголь, 50 гр.	Kи 3590	5270±50	1σ 4170-4090 2σ 4240-3970
20	Уголь, 50 гр.	Kи 3595	5390±60	1σ 4340-4220 2σ 4350-4050
21	Земля с углем	3596	5220±50	1σ 4060-3960 2σ 4180-3950
22	Образец 5, трубчатая кость	Лу-2641	6080±270	1σ 5350-4700 2σ 5600-4300
23	Керамика накольчатая, образец 4	Ki – 14612	5810 ± 80	1σ 4730-4550 2σ 4810-4460
24	Керамика накольчатая, образец 4	Ki – 14371	6890 ± 80	1σ 5850-5700 2σ 5920-5630
25	Керамика накольчатая, образец 5	Ki – 14613	6540 ± 80	1σ 5560-5460 2σ 5630-5340
26	Керамика накольчатая, образец 5	Ki – 14372	7100 ± 80	1σ 6030-5880 2σ 6100-5780
27	Керамика накольчатая, образец 5	Ki – 14375	6970 ± 90	1σ 5910-5740 2σ 6020-5700
28	Керамика прочерченная, образец 6	Ki – 14373	6860 ± 90	1σ 5810-5660 2σ 5920-5610
29	Керамика прочерченная, образец 6	Ki – 14637	6040 ± 80	1σ 5040-4800 2σ 5150-4770
30	Керамика прочерченная, образец 6	Ki – 14614	5870 ± 90	1σ 4810-4600 2σ 4950-4490
31	Нагар	Spb-937	6363±150	1σ 5490-5200 2σ 5650-4950
32	Нагар	Spb-938	6650±150	1σ 5720-5470 2σ 5900-5300
33	Нагар	Spb-939	5800±150	1σ 4830-4460 2σ 5050-4300
34	Нагар; керамика с глубины 90-100 см	Уа-41361	6544±38	1σ 5335-5475 2σ 5620-5580
35	Нагар; керамика из очага	Уа-41362	6693±39	1σ 5595-5560 2σ 5680-5530

ORLOVKA CULTURE IN THE LIGHT OF NEW DATA ON THE CHRONOLOGY
OF THE NEOLITHIC THE STEPPE VOLGA REGION

© 2014

A.I. Yudin, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director on scientific work
Autonomous nonprofit organization "Research center for the preservation of cultural heritage", Saratov (Russia)

Annotation: The Varfolomeevka site is a basic location for the characterization of the Orlovka Neolithic culture in the steppe region of Volga River. Currently, there are 35 radiocarbon dates for the three lower layers the Varfolomeevka site. Cultural layers site produced on bone, coal, pottery and the charred crust in the six laboratories of Russia, Ukraine, Sweden and Poland. New radiocarbon dates specified chronology of the Varfolomeevka site. Layer 3 was formed in chronological interval 6200-5900 BC; layer 2 B - in the interval 6200-5700 BC; layer 2 A - in the interval 5600-5200 BC and latest Neolithic layer (1) - in the interval 5400-4800 BC. Received date suggest the following: 1. Precaspian Neolithic culture is formed on the basis of the Orlovka Neolithic culture; 2. These two cultures coexisted in the late Neolithic and the early Aeneolithic age.

Keywords: the Varfolomeevka site; the steppe Volga region; Neolithic; pottery; Orlovka culture; Aeneolithic; the Precaspian culture.

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТЫ ТАКСОНОМИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ОСТАТКОВ РЫБ ИЗ РАСКОПОК
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА БАЙБЕК 2013 ГОДА

©2014

Е. Ю. Янин, кандидат биологических наук
Институт зоологии имени И. И. Шмальгаузена НАН Украины, Киев (Украина)

Аннотация: В статье проанализированы результаты определений ихтиологических остатков из раскопок 2013 года неолитической стоянки Байбек. Всего исследовано 310 фрагментов рыб, выявлены представители 8 видов: севрюга (*Acipenser stellatus*), стерлядь (*Acipenser ruthenus*), сазан (*Cyprinus carpio*), лещ (*Abramis brama*), судак (*Sander lucioperca*), окунь (*Perca fluviatilis*), щука (*Esox lucius*) и сом (*Silurus glanis*). В статье приводятся результаты реконструкции размеров, веса и возраста рыб. Значительный процент мелкоразмерной рыбы (70.5%) может свидетельствовать о недостатке пищевых ресурсов на поселении в исследуемый период, а видовой состав позволяет предположить круглогодичный вылов рыбы, наиболее активно осуществлявшийся в весенне-летний период.

Ключевые слова: археозоология, неолит, Байбек, рыбы

ВСТУПЛЕНИЕ

В последние годы все чаще для изучения археологических памятников привлекаются специалисты смежных наук – археозоологи, палеоботаники, палеонтологи, геофизики и другие. Именно благодаря комплексным исследованиям возможно получение информации на новом качественном уровне. В ряде случаев удается реконструировать хозяйственную деятельность как жителей отдельных поселений, так и целых регионов в определенный период, проследить экономические связи, выявить климатические особенности. В остеологических материалах стоянки Байбек обнаружены фрагменты млекопитающих, птиц, рыб и моллюсков. В настоящей работе рассматриваются костные остатки рыб. Охота и рыбная ловля на протяжении тысячелетий играли основную роль в обеспечении людей пищевыми ресурсами. Существенный научный интерес представляет значение рыбной ловли в жизни жителей исследуемого памятника, а также вклад в их пищевой рацион определенных промысловых видов рыб.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА

Нами исследованы кости рыб из археологических раскопок 2013 года на территории неолитической стоянки Байбек. Объем выборки составил 310 фрагментов рыб. Естественная сохранность материала в среднем составляет 4 балла по пятибалльной шкале по методике Е.А. Антипиной [1 С. 16]. Доля определимых до видового уровня фрагментов низкая – 13.3%, в связи с тем, что основную часть материала составляют позвонки (95.8%), которые во многих случаях не являются диагностическими.

Материал определен путем сравнения костных фрагментов и чешуи со скелетами и чешуей современных и субфоссильных видов рыб из остеологической коллекции автора.

Также для видовой диагностики нами использованы атласы и руководства по сравнительной остеологии рыб: а) атлас V. Radu "Atlas for the identification of bony

fish bones from archaeological sites", 2005; б) руководство J. Lepiksaar "Introduction to osteology of fishes for paleozoologists", 1994.

Для вычисления размеров субфоссильных рыб кости измерялись штангенциркулем с точностью до 0,1 мм, затем по описанной В.Д. Лебедевым методике восстанавливалась длина и вес [2 с.24-27]. В тех случаях, когда восстановить размеры представлялось возможным лишь для одного экземпляра конкретного вида, полученные данные вставлялись в колонку «Lcp», и дальнейшие расчеты проводились по этому экземпляру. Используя литературные данные о минимальных размерах, при которых представители разных видов ихтиофауны впервые приступают к нересту [3], по восстановленному размеру рыб нами вычислено соотношение половозрелых и неполовозрелых особей. В тех случаях, когда это было возможно, точное определение возраста проведено по чешуе и позвонкам.

В связи с тем, что даже две кости от одной рыбы в кухонных остатках сохраняются крайне редко, по описанной В.Д. Лебедевым методике одна кость рыбы считается эквивалентной одной особи [2, с.24-27]. Систематика и латинские видовые названия рыб даны по определителю-справочнику Ю.В. Мовчана [3]. Латинские названия костей даны по атласу-определителю V. Radu [4] и руководству по определению костей рыб J. Lepiksaar [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Видовой состав и остеологические спектры промысловых рыб

Изучение видового состава рыб показало, что в материале присутствуют 8 видов, относящихся к 5 отрядам – севрюга (*Acipenser stellatus* Pallas, 1771), стерлядь *Acipenser ruthenus* (Linnaeus, 1758); отряд Карпообразные (Cypriniformes) – сазан (*Cyprinus carpio* Linnaeus 1758), лещ (*Abramis brama* Linnaeus 1758); отряд Окунеобразные (Perciformes) – судак (*Sander lucioperca* Linnaeus 1758), окунь (*Perca fluviatilis* Linnaeus 1758);